

К вопросу о репатриации калмыков-эмигрантов в 20–30 гг. XX в.

On the 1920–1930s Repatriation of Kalmyk Emigrants

Д. Ю. Топалова (*D. Topalova*)¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: topalovady@kigiran.com

Ph. D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: topalovady@kigiran.com

Аннотация. Обращение автора к теме репатриации калмыков-эмигрантов обусловлено задачами исследования реалий, отраженных в деятельности литературного зарубежья. На основе исторических материалов и архивных документов в работе рассматривается вопрос репатриации калмыцкой эмиграции в 20-е гг. XX в. в Россию. Как известно, в период Гражданской войны имел место исход отдельных групп калмыков в страны Западной Европы, а впоследствии и США. Оказавшись на чужбине, эмигранты понимали, что назад пути нет, и были вынуждены приспосабливаться к тяжелым условиям жизни. Вместе с тем имела место репатриация части мигрантов. Автор освещает позиции двух групп эмигрантов, разделившихся в связи с вопросом о возвращении на родину, и показывает, что по политическим взглядам калмыцкое зарубежье, оставшееся в эмиграции, до конца своих дней придерживалось антисоветской позиции. Особую роль в этом смысле сыграли репрессии и неоднозначная политика советской власти, сначала принявшей решение об амнистии, а спустя время изменившей политику по отношению к репатриантам.

Ключевые слова: репатриация, Великая Российская революция, миграция, политика, калмыцкое зарубежье.

Abstract. The article deals with the Kalmyk emigrants' repatriation in the context of studies of realia reflected in the then literary activities that took place abroad. With evidence from historical materials and archival documents, the paper examines the repatriation of Kalmyk emigrants to Russia in the 1920s. As is known, separate groups of Kalmyks fled to Western Europe and later to the United States during the Russian Civil War. In exile the emigrants well understood that the point of no return had been passed and, thus, those were forced to adapt to the harsh living conditions. However, some of

the emigrants chose to be repatriated. The paper illustrates the positions of the two groups of emigrants that split on the point of returning to homeland territories, and shows that political views of Kalmyk expatriates remained completely anti-Soviet to the last. This was aggravated by repressions and ambiguous policies conducted by the Soviet regime: the decision on amnesty was soon followed by purges towards the repatriated individuals.

Keywords: repatriation, October Revolution, migration, policy, Kalmyk expatriate community.

Калмыцкое литературное зарубежье представляет собой сложное явление, сложившееся в результате вынужденного исхода (отъезда) населения в годы Великой Российской революции (1917–1921) в страны Европы. В ходе боевых действий белогвардейские войска были постепенно вытеснены с калмыцкой территории. Остатки добровольческой армии В. П. Врангеля, а вместе с ними и местные мирные жители, в одночасье ставшие беженцами, были вынуждены уходить на Кубань, после в Крым, города Турции, Болгарии, Королевство сербов, хорватов, словенцев и Чехословакию. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. многие из калмыков мигрировали на север и юг Франции, единицы уехали в Словакию, Аргентину и США, некоторые вернулись в Россию.

В изучении проблемы литературной деятельности калмыцкой эмиграции достаточно актуальными на сегодня являются выявление процессов ее возникновения, становления и развития, рассмотрение художественно-эстетических и идеологических особенностей развития в системе национальных художественных ценностей, изучение проблемы национальной идентичности. Особый интерес представляет творчество публициста, видного общественно-политического деятеля, талантливого русскоязычного писателя калмыцкой эмиграции Санжи Балыкова (1894–1943), которое остается малоисследованным. В советский период литературное наследие калмыцкой эмиграции практически не освещалось [История калмыцкой литературы 1980]. Во многом замалчивание вопросов, связанных с исходом части калмыков в период Гражданской войны, было обусловлено как идеологическими концептуальными рамками, так и недоступностью фондов. Так, У. Б. Очиров, освещая историографию Гражданской войны в Калмыкии, отмечает, что на многих документах стоял гриф секретности [Очиров 2006: 17], но,

несмотря на это, ученые с привлечением обширных источников освещали вопросы революции и Гражданской войны, и первой монографией стал коллективный труд Н. И. Иванько, А. И. Наберухина и И. И. Орехова [1968]; впоследствии одним из ее авторов издана работа «Калмыкия в трех российских революциях» [Наберухин 1987]. В постперестроечный период исследователи обратились к наследию соотечественников, волею исторической судьбы оказавшихся за рубежом. В 1991 г. в г. Элисте была опубликована книга Э. Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие», в послесловии к которой Л. С. Бурчинова привела данные об этом известном деятеле и его работе как в первые годы Советской власти, так и в период эмиграции [Бурчинова 1991]. Одновременно появились первые работы, в которых анализировалась судьба литературного зарубежья: так, одна из глав кандидатской диссертации Б. А. Бичеева посвящена наследию калмыцкой эмиграции [Бичеев 1991], а уже в 1993 г. была издана историко-бытовая повесть С. Балыкова «Девичья честь» [Балыков 1993], затем следовали и другие издания, и уже в 1998 г. появилась первая работа, в которой были представлены очерки истории калмыцкой эмиграции [Горяев, Борисенко 1998]. Благодаря работе П. Э. Алексеевой издано наследие Э. Хара-Давана [Алексеева 2012]. В последние годы появился ряд статей, посвященных анализу произведений калмыцких писателей-эмигрантов [Топалова 2015а; 2015б; 2016а; 2016б; 2016в].

Прежде чем перейти к изучению литературной деятельности калмыцкой эмиграции, нами был исследован в целом исторический фон зарождения калмыцкого зарубежья, расселенного по странам зарубежья в результате вынужденных эвакуаций. Анализ материала показал, что историю возникшей в результате событий Великой Российской революции 1917–1921 гг. и поражения белой армии калмыцкой эмиграции можно охарактеризовать как трагическую в собственном смысле этого слова. Оказавшись на чужбине, эмигранты понимали, что назад пути нет, и были вынуждены приспосабливаться к тяжелым условиям жизни на чужбине. В калмыцкой эмиграции выделялись две группы. Одна из них,

организация «Хальмг Тангчин Туг» ('Знамя калмыцкого народа', сокращенно — ХТТ), выступала за дальнейшую политическую борьбу с советской властью и строительство федеративного казачьего государства. Другая, общественно-культурная организация Калмыцкая комиссия культурных работников (далее — КККР), созданная в 1923 г. под председательством Б. Н. Уланова, считала, что главенствующую позицию должно занимать непосредственно научно-культурное направление, а не политическая борьба. Поэтому ведущим направлением деятельности членов КККР являлось развитие вопросов просвещения, а также создание духовных основ культурного возрождения калмыцкого народа, что служило своего рода созидательным компонентом в деле сохранения и развития национального самосознания в изгнании. Членами обеих организаций были калмыки, вынужденные до конца своих дней оставаться в эмиграции.

Цель статьи заключается в попытке осветить вопросы репатриации представителей калмыцкой эмиграции XX в. в Советский Союз.

Процесс репатриации калмыков-эмигрантов начался в 1921 г. География поселения групп беженцев на этот момент была рассредоточена по странам и городам Европы: Константинополь, Белград, Сербия. Основной причиной реэмиграции послужила, безусловно, ностальгия по родине. Немаловажное значение имели нищенские условия существования (лишения, скитания, безработица), тяжелые условия труда, общее понимание того, что человек, по сути, был никому не нужен. По мнению Н. П. Мацаковой, не все эмигранты придерживались антисоветской позиции, так как в тот судьбоносный трагический момент многие мигрировали, спасая свои семьи и имущество (здесь имеется в виду, вероятно, рядовая эмиграция, представлявшая собой беженские группы людей). Косвенным подтверждением этого тезиса исследователь считает тот факт, что большая часть мигрантов вернулась в Россию [Мацакова 2015: 61].

Следует отметить, что репатриационное движение калмыцкого народа проходило параллельно с процессом образования Калмыцкой автономной области. И это, безусловно, неслучайно.

Знаменательный момент в истории калмыцкого народа был встречен частью эмигрантов положительно. Люди искренне радовались долгожданному объединению, свершенным социально-политическим преобразованиям, желая поскорее принять участие в созидательной работе на благо родины и своего народа. Так, в 1923 г. лидер калмыцкой эмиграции Эренджен Даваевич Хара-Даван в письме к Егору Сайкову писал: «Очень и очень отраднo, что вопрос наконец-таки разрешается и разбросанные части одного целого организма нашего народа теперь объединились. Мы были жертвами царского режима, который руководствовался вообще в инородческом вопросе правилом римских императоров. Что бы ни говорила эмиграция, политика в Советской России по отношению к инородцам наилучшая, и этим надо воспользоваться и укрепить создавшееся объединение раз и навсегда. Задача объединения нашего народа была выдвинута первыми студентами, когда в 1906 г. в Петрограде образовали „Улан Залат“, но при царизме, конечно, осталось на бумаге. Этому объединению рады и здешние <...> хотя среди них было больше сепаратистов» [цит. по: Горяев, Борисенко 1998: 80].

Под «сепаратистскими движениями» Э. Хара-Даван, вероятно, подразумевал группу эмигрантов, многие представители которой, несмотря на первоначальное планировавшееся возвращение, остались все-таки за рубежом из-за недоверия к советской власти и изначальной контрреволюционной настроенности. В основном в этом числе были лидеры калмыцкой эмиграции: Санджи Баянов, Данара Баянова (Уланова), Бадма Уланов, Абуш Алексеев и др. Что же касается другого видного общественно-политического деятеля калмыцкого зарубежья, мемуариста, публициста, талантливого калмыцкого писателя (как литератор он состоялся именно в эмиграции), Санжи Басановича Балыкова, то до конца своих дней он также оставался на чужбине¹. С. Балыков был категорически против возвращения калмыков на родину. В одной из заметок, опубликованной в журнале «Ковыльные волны» в 1932 г., предчувствуя гибельность и необдуманность процесса репатриации, он

¹ Умер в Германии в 1943 г.

замечал, что возвращение в Россию является «гибельным шагом» и «безумием», особенно «после двенадцати лет непризнания Советской власти» [Ниминов 1932: 54]. Вышеперечисленные личности являлись членами Калмыцкой комиссии культурных работников (КККР). В своих выступлениях они идентифицировали себя аполитичной, чисто национально-культурной организацией, подчеркивая свой антибольшевистский характер.

Другая группа эмигрантов — это люди, которые были против советской власти, однако, оказавшись на чужбине, приняли решение перейти на сторону новой власти. Причиной послужили материальные и социальные нужды, ностальгия по родине, тоска по родным, лишение права на работу. Подобные мотивы, по мнению З. С. Бочаровой, явились основой движения за возвращение на родину и в русской эмиграции в целом: «1) тяжелое материальное и социальное положение; 2) стремление внести свой вклад в развитие новой России; 3) возвращение в Россию не в силу признания социалистических идей, а с целью служения родине» [Бочарова 1994: 12]. В среде калмыков-эмигрантов О. Босхомджиев, Е. Чонов, Б. Кушлынов, М. Даржинов были активными сторонниками принятия советской власти и возвращения в СССР. Проводя усиленную агитацию среди эмигрантов, они производили записи людей, желавших уехать в Россию, собирали деньги на расходы, связанные с возбуждением ходатайства на отъезд перед советской миссией в Праге и т. д. Стоит отметить, что эти же тенденции были характерны и для русской эмиграции. В частности, сменовеховское течение, руководителем которого был политический деятель, философ Николай Васильевич Устрялов, главным пунктом своей работы считало признание силы советской власти и неизбежность работы с большевиками. Интернационализм советской власти представители этого течения преподносили под новым названием «национал-большевизм», представляя себя тем самым выразителями национальных интересов. В поддержку этого движения выступали также белоэмигрантская печать (например, газета «Новая Россия») и специально созданные организации «Союзы возвращения на родину». Среди этой массы русской эмиграции были и те

сообщества, которые активно им противостояли, преследуя и зверски наказывая как потенциальных репатриантов, так и поддерживающие их блоки [Шкаренков 1981: 85–99].

Со 2 по 9 июля 1920 г. в Калмыкии, в поселке Чилгир Икицохуровского улуса, проходил I общекалмыцкий съезд Советов, на котором утверждался проект объединения всех разрозненных частей калмыцкого народа в единую административно-хозяйственную единицу — Автономную область калмыцкого трудового народа в составе РСФСР.

До созыва съезда по постановлению Пленума Калмыцкого исполкома от 6 апреля 1920 г. состоялось присоединение к территории Калмыцкой степи Астраханской губернии Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и «Манычского улуса, отколовшегося от своих Астраханских калмыков в 1918 г.» [Плюнов 2016: 242].

На заседаниях Общекалмыцкого съезда под председательством А. Ч. Чапчаева, одного из активных организаторов советской власти в Калмыкии, председателя Центрального исполнительного комитета (КалмЦИКа), ответственного секретаря Калмыцкого обкома РКП(б), областного продовольственного комиссара [Чапчаев 1990: 3], обсуждался проект текста «Декларации прав трудового калмыцкого народа», подготовленный на основе известного воззвания В. И. Ленина к калмыцкому трудовому народу. Согласно протоколу постановления Объединенного заседания калмыцкого областного исполкома с представителями от улусов и фракции партии большевиков от 9 июля 1920 г., проведенного А. Амур-Сананом², речь шла о том, что на территории Автономной Калмыцкой области проводятся организация советской власти, широкая борьба с темнотой и невежеством. Для общей созидательной работы нужны были просвещенные, знающие быт и родной язык люди. Ввиду этого положения амнистирование большинства интеллигентных калмыков являлось (по крайней мере, на тот момент), по словам

² По личной просьбе самого А. Ч. Чапчаева он был временно освобожден от участия в одном из заседаний съезда из-за болезни. Его полномочия временно принял А. Амур-Санан [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 10с. Д. 496. Л. 1, 1об., 2].

руководителя собрания, жизненно необходимым звеном. Однако поддержали А. Амур-Санана не все. Так, Б. Отхонов, Ш. Далгаев, О. Лиджиев-Рокчинский выступили против амнистии. По их словам, эмигранты, «несознательная и темная масса» [Плюнов 2016: 263], должны были изначально знать о том, что советская власть больше милует, а не карает, а потому они не заслуживают амнистии, составленной товарищем Лениным. Это утверждение было оспорено Егором Сайковым³, который, в свою очередь, выступил с мыслью о том, что нет прямых оснований утверждать, что они знали воззвание вождя Советского государства. В заключение заседания А. Амур-Санан выступил с предложением амнистировать всех калмыков-интеллигентов, не распространяя ее на зайсангов и нойонов, активно участвовавших в контрреволюции [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Д. 496. Л. 1, 1об., 2]. Так, на основании обсуждения на I Общекалмыцком съезде Советов был решен вопрос об амнистии калмыков-эмигрантов. Вопросами возвращения эмигрантов занимался Калмыцкий комиссариат национальностей (Наркомнац). Его уполномоченными представителями были Антон Мудренович Амур-Санан и Овше Шеринович Насунов.

21 июня 1920 г. было принято Постановление ЦИК, на основании которого амнистировано 20 человек: по Малодербетовскому улусу — 9 человек, по Манычскому — 5, по ИкиЦохуровскому — 2, по Большедербетовскому — 8, по Донскому краю — 5.

В 1921 г. оставшаяся часть беженских групп и остатки белой армии, эвакуированные из Крыма, постепенно эмигрировали и из Турции, где в тот период разгоралась национально-освободительная революция за независимость. Люди уходили в Болгарию и Сербию.

21 апреля 1921 г. в ответ на ходатайство представителя эмиграции, руководителя колоний беженцев в Турции Е. Чонова Президиум ВЦИК (согласно выписке из протокола № 22) амнистировал

³ Сайков Егор Михайлович (1892–1930), уроженец Багабурульского аймака Большедербетовского улуса. Окончил философский факультет Московского университета. Работал в Москве, в Калмыцком представительстве Наркомнаца. Репрессирован в 1930 г. (по информации его родственницы Г. Л. Карвиной (1910–2003) [цит. по: Алексеева 2010: 138]).

28 человек. Всем возвращавшимся был предоставлен бесплатный транспорт [НА РК. Ф.Р-112. Оп. 1. Д. 1. Л. 22]. В числе беженцев из Константинополя были как рядовая эмиграция, так и ее лидеры: Санджи Баянов, Эренджен Хара-Даван, Очир Ходжигоров, Аля Лиджиев, Ордаш Босхомджиев, Бата Хундаев, Бадма Уланов, Дана Уланова, Санджарик Уланов, Теменников, Цаган Манджиев, Бадма Эрендженов, Бадма Уланов, Васькиев, Такиев, Ташуев, Анканов, Ефим Чонов, Николай Буринов, Лиджи Шембенев, Абуша Алексеев, Дордже Онкоров, студент Очир Пунцуков и др. [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Д. 496. Л. 7]. Через год, в 1922 г., в письме С. Баянову О. Ш. Насунов, уполномоченный по делам возвращенцев, сообщал также об основной массе эмигрантов-калмыков в количестве около 200 человек, рядовых участников белого движения, на которых распространяется декрет амнистии ВЦИКа от 21 ноября 1921 г.⁴ В целом репатриация из Турции имела больше стихийный характер [Горяев, Борисенко 1998: 68].

Доклад А. Амур-Санана о положении калмыцких эмигрантов был заслушан не один раз. Так, 14 мая 1922 г. на заседании вновь избранного Пленума Обкома РКП(б) 3-й Облпартконференцией (выписка из протокола № 26) это выступление было заслушано вновь. Главным вопросом являлось принятие каких-либо конкретных мер к возвращению трудового калмыцкого народа на родину, при этом выступающим каждый раз подчеркивалось, что князья и зайсанги, согласно мысли уполномоченного, оставались непримиримыми врагами РСФСР [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10. Д. 496. Л. 32], учитывая «паразитическое их происхождение» [Плюнов 2016: 263]. Согласно архивным документам, 15 июня 1922 г. по амнистии из Турции вернулся 71 калмык. Филтрацию эмигрантов, подданных России, эвакуировавшихся за границу с Врангелем и Деникиным и

⁴ Среди числа амнистированных был и Данзан Тундутов (1888–1923), калмыцкий князь-нойон, участник Первой Мировой войны, в годы Гражданской войны атаман Астраханского казачьего войска. По прибытию его интегрировали в советскую жизнь. Бывшего войскового атамана даже направили на службу в центральный аппарат РККА. Однако своими действиями он вызвал подозрения у чекистов, был обвинен в контрреволюционной организации и по решению ГПУ от 2 августа 1923 г. казнен [Очиров 2006: 363].

прибывших из-за границы итальянским пароходом «Альдо», производил уполномоченный Особотделения секретно-оперативной части Бакулин. Допрос проходил путем выяснения вопросов по существу их службы в армии и проживания за границей [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Д. 496. Л. 48]. В дальнейшем все эмигранты находились под надзором Калмыцкого областного госполитуправления. Согласно выписке из журнала Президиума ЦИК Автономной области калмыцкого народа от 4 июля 1922 г., по вопросу о возвратившихся 70 граждан из Турции было принято во внимание, что все прибывшие происходят из среды трудящегося населения, а их участие в рядах белой армии было результатом либо принуждения, либо темноты и невежества.

4 декабря 1922 г. представитель эмигрантов Ефим Чонов в ходатайстве перед Полпредом РСФСР по репатриации калмыков сообщал, что стремление уехать в Россию объединяло многих из них (вероятно, людей объединяла и боязнь, что кемалистские власти будут относиться к калмыкам как враждебному элементу). Что касается финансовой части дела, то специальных субсидий, в отличие, например, от русской эмиграции, для возвращенцев из Калмыкии не выделялось. Эмигранты вынуждены были пользоваться собственными средствами, что было возможно благодаря круговой поруке. Согласно справке Е. Чонова, сохранившейся в Национальном архиве Республики Калмыкия, некоторые работающие на службе калмыки зарабатывали на тот момент около 20 000 турецких лир, на которые они жили и даже немного, возможно, заранее откладывали, готовясь к отъезду домой. Большинство из них считало целесообразным уехать весной, так как не у всех была теплая одежда. Согласно данным документам, представленным Полномочному представительству Калмыцкой Автономной области, калмыков, живущих в Сербии, было около 2 600 человек. Из них в Россию на 1922 г. уехало чуть больше 600. В Константинополе и окрестностях осталось около 1000, из которых 750 — на службе в частных по охране складах. В Сербии находилось до 350 человек, в Болгарии — 500 [НА РК. Р. 112. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Каждому из репатриантов по просьбе Ефима

Чонова выдавались удостоверения, гарантировавшие им безопасность, как со стороны кемалистского правительства, так и стороны советских властей. В частности, в них говорилось о том, что на основании Постановления Президиума ВЦИК от 4 июля 1922 г. тот или иной гражданин, ушедший с Деникиным и Врангелем, является беженцем, добровольно возвратившимся из Турции и восстановленным в правах гражданином РСФСР. ЦИК, в свою очередь, предлагал не чинить никаких преследований и привлечений к ответственности за прошлую службу в рядах белой армии, тем более если указанный человек — простолюдин-крестьянин, добровольно возвратившийся на родину в Советскую Россию [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Д. 496. Л. 40].

В ответ на ходатайство Е. Чонова Полномочное представительство Калмыцкой Автономной области в Москве в лице О. Насунова направило ответ, в котором сообщалось, что Коллегия народного комиссариата по делам национальностей совместно с Президиумом ВЦИК предоставляет бесплатный транспорт⁵. Кроме того, в письме подчеркивалось, что советская власть широко идет навстречу мигрантам, желающим вернуться на родину и заняться мирным трудом [НА РК. Ф.Р-112. Оп. 1. Д. 2. Л. 23]. Пройдя фильтрацию, они отправлялись в «бывшие станицы Сальского округа, в пределы Малодербетовского, Большедербетовского улусов и в Астрахань» [Горяев, Борисенко 1998: 70].

В 1922 г. в Болгарии, в Старой Загоре, для российских эмигрантов был учрежден Союз возвращения на родину, центральное бюро которого находилось в Софии. В том же году, 8 ноября, члену филтркомиссии военнопленных врангелевцев Иванову была отправлена служебная записка о том, что из Болгарии выехала группа калмыков-эмигрантов во главе с Ордаш Босхомджиевым, который возбудил ходатайство ЦИК об оказании материальной поддержки и содействия прибывающим. Срочность разрешения этого вопроса была обоснована отсутствием средств на пропитание у беженцев и необходимостью поэтому как можно скорее от-

⁵ Под бесплатным транспортом подразумеваются пароходы, на которых возвращенцы прибывали в порт Новороссийска.

править их на родину [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10 с. Д. 496. Л. 66]. Через год, в 1923 г., в Болгарии калмыками был организован Калмыцкий комитет по делам беженцев [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10. Д. 496. Л. 48]. Как и Союз помощи буддистам («Буддийский союз», созданный в г. Константинополе и ставивший целью помощь сородичам в переселении в Советскую Россию или буддийские страны Востока), эта организация была призвана помочь эмигрантам искать способы и пути возвращения на родину. Председателем Калмыцкого комитета по делам беженцев являлся Джаб Кавлюшов, участник Степного похода донских частей белой армии (февраль – май 1918 г.). Ряд его членов стали вплотную заниматься репатриацией калмыков в Советскую Россию. Согласно списку, хранящемуся в Национальном архиве Республики Калмыкия, людей, мечтающих вернуться на родину, было около 80 человек [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10. Д. 496. Л. 82]. Однако отделом балканских стран Народного комиссариата иностранных дел просьба о реэвакуации калмыков из Болгарии была отклонена, так как от болгарского правительства согласия не было [НА РК. Ф.3-3. Оп. 10. Д. 496. Л. 87].

Несколько позже ВЦИК разрешил вопрос о возвращении 2 000 беженцев из Константинополя. Переписка велась между представителями Наркомнац и заместителем народного комиссара иностранных дел Л. М. Караханом. В письмах говорилось о том, что вернувшиеся на родину калмыки расселены по месту жительства в КАО и Донской области. Дальнейшую репатриацию народа было решено вести через порт Новороссийска [НА РК. Ф.Р-112. Оп. 4. Д. 1. Л. 32].

С начала 1930-х гг. процесс репатриации, проходивший и без того тяжело и неоднозначно, стал постепенно затухать. Если первой волне возвращенцев (условно до 1925 г.) удавалось не просто уехать, но и обустроиться на родине, получить работу, в большинстве случаев благодаря политическим руководителям Калмыкии 20-х гг. XX в. (например, бывшего атамана Малодербетовского улуса Ордаш Босхомджиева назначили управляющим областным ветотделом, бывшего полковника Лиджи Шимбенова устроили в секретариат газеты «Красный калмык» [Борисенко 1995: 3], Ефим

Чонов, впоследствии видный общественно-политический деятель, юрист, работал в Восточном книжном издательстве при Наркомнаце), то уже в последующие этапы попытки покинуть пределы чужбины заканчивались массовыми репрессиями возвращенцев и последующими расстрелами. И это несмотря на постановление ВЦИК от 21 ноября 1921 г. «принять возвратившихся граждан в состав населения Калмобласти, восстановить их во всех правах гражданина РСФСР, не привлекать указанных граждан за деяния, совершенные до момента возвращения их в РСФСР, отправить всех их на места постоянного местожительства» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10. Д. 496. Л. 57]. Так, в марте 1927 г. Басан Кушлынов, учитель, активный сторонник репатриации, провел очередную работу по проблеме возвращения группы молодых калмыков, которые в количестве 15 человек хотели вернуться в Россию. В 1931 г., приехав в родные края, все они подверглись репрессиям [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–31] и расстрелам, в том числе сам Басан Кушлынов и его соратник студент Нури Маглинов. Для беженских групп калмыков, находившихся в Болгарии, Сербии, Чехословакии, Франции и других странах, стало очевидным, что вернуться на родину они уже не смогут никогда.

Согласно данным исследований ученого университета Пенсильвании (Филадельфия) Фреда Эдельмана (протееже востоковеда, профессора Николая Николаевича Поппе), занимавшегося в 1950-е гг. изучением жизни калмыков за рубежом, на период конца 1920-х гг. оставшееся число калмыков в эмиграции составило около 1 200 человек. Говоря о географии расселения калмыков, Ф. Эдельман отмечает, что рассредоточены они были приблизительно следующим образом: в Белграде и окрестностях 450 человек, в Софии 200, в Праге 50 (в основном студенты), в Париже, Лионе, Гренобле, Нанте 500 [цит. по: Гучинова 2004: 32]. В Национальном архиве Республики Калмыкия сохранились данные, что на 1929 г. в Болгарии, в Дольно-Ореховица (в настоящее время г. Горно Ореховица), находилось 60 человек [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Д. 496. Л. 67]. В 1931 г. в Болгарии в общем числилось 100 человек, разбросанных по разным городам и деревням,

при этом главные группы были сосредоточены в Софии и в районе Пловдива [Ковыльные волны 1931: 44]. В 1932 г. это число увеличилось до 183 [Ковыльные волны 1932: 58]. По мнению П. Э. Алексеевой, разница в количестве может объясняться тем, что «многие разыскивали родственников, находили их, переезжали друг к другу» [Алексеева 2010: 144]. Точное количество людей, вернувшихся на родину и оставшихся на чужбине, на сегодня остается неизвестным.

Таким образом, процесс репатриации калмыцкой эмиграции проходил сложно, тяжело и в некотором смысле трагически (как и, собственно, в целом жизнь калмыцкого зарубежья). Если условно называемая первая волна репатриации (начало 1920-х гг.) как движение была вполне реализована, причем весьма удачно, то вторая волна репатриантов, подвергшихся политическим преследованиям, подверглась испытаниям и ощутила на себе последствия неоднозначной политики Советского Союза. Неслучайно, некоторые оставшиеся в эмиграции калмыки, особенно это касается ее лидеров, несмотря на внутренние разночтения, разнородность, до конца своих дней так и не восприняли политику России, не хотели понимать ее идеологию, твердо придерживаясь антисоветской и антикоммунистической позиции.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

The National Archive of the Republic of Kalmykia. (In Russ.)

Литература

Алексеева П. Э. О людях и времени. Сборник статей. КИГИ РАН, 2010. 176 с.

Алексеева П. Э. Эренджен Хара-Даван и его наследие: сб. ст. и матлов. Элиста: Герел, 2012. 350 с.

Балыков С. Девичья честь. Элиста: Джангар, 1993. 284 с.

Бичеев Б. А. Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 23 с.

Борисенко И. В. Буддийский союз // Хальмг үнн. 1995. 16 февраля. С. 3.

Бочарова З. С. Движение за возвращение на родину в российской эмиграции (1920-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 25 с.

Бурчинова Л. С. Послесловие // Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. С. 211–218.

Горяев А. Т., Борисенко И. В. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: Джангар, 1998. 238 с.

Гучинова Э. -Б. Улица Kalmuk Road: История, культура идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.

Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов И. И. Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 148 с.

Ковыльные волны. 1931. № 1.

Ковыльные волны. 1932. № 5.

История калмыцкой литературы: в 2 т. Т. 2: Советский период / отв. ред. Л. И. Залесская, Р. А. Джамбинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 446 с.

Мацакова Н. П. Калмыцкая общественная мысль в эмиграции // Достижения и проблемы современной науки: сб. публ. науч. жур. «Globus». (29 октября 2015 г.). Ч. I. С. 61–68. СПб.: Научный журнал «Globus», 2015. 152 с.

Наберухин А.И. Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.

Ниминов Ш. Краткий обзор калмыцкой печати в эмиграции // Ковыльные волны. № 4. 1932. С. 14–20.

Очилов У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.

Плюнов Ф. И. Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. / сост. И. В. Лиджиева, М. И. Кичеева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.

Топалова 2015a — *Топалова Д. Ю.* Национальное своеобразие рассказов С. Б. Балыкова «Растоптанный тюльпан», «У незримой стены» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 161–166.

Топалова 2015b — *Топалова Д. Ю.* Рассказ С. Балыкова «Растоптанный тюльпан» в свете национальных традиций // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 98–101.

Топалова 2016a — *Топалова Д. Ю.* Проблемы сохранения национальных традиций и этнических представлений в рассказе С. Балыкова

«Сильнее власти» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1. С. 262–270.

Топалова 2016б — Топалова Д. Ю. Фольклорные традиции в творчестве С. Балькова (на примере легенды «Скупой хан») // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 123–129.

Топалова 2016в — Топалова Д. Ю. События Гражданской войны в творчестве С. Балькова (на примере рассказа «Отцы») // Вестник Тувинского государственного университета. Серия «Педагогические науки». 2016. № 4. С. 155–163.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 222 с.

Чапчаев А. Выступления, речи, доклады: сб. док. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 123 с.

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981. 231 с.

References

Alekseeva P. E. About People and Time. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2010. 176 p. (In Russ.)

Alekseeva P. E. Errendzhen Khara-Davan and his Legacy. Elista: Gerel, 2012. 350 p. (In Russ.)

Balykov S. The Maiden's Honor. Elista: Dzhangar, 1993. 284 p. (In Russ.)

Bicheev B. A. Influence of Written Monuments and Folklore on the Development of the Kalmyk Literature (20–30s). Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Moscow, 1991. 23 p. (In Russ.)

Borisenko I. V. The Buddhist Union. Halmg үнн. 1995. 16 February. P. 3. (In Russ.)

Bocharova Z. S. Movement for the Return to their Homeland in Russian Emigration (1920s). Cand. Sc. thesis (history) abstract. Moscow, 1994. 25 p. (In Russ.)

Burchinova L. S. Afterword. In: Khara-Davan E. Genghis-khan as a Commander and his Legacy. Elista: Kalmyk Book Publ., 1991. Pp. 211–218. (In Russ.)

Chapchaev A. Addresses, Speeches, Reports. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 123 p. (In Russ.)

Goryaev A. T., Borisenko I. B. Essays on the History of the Kalmyk Emigration. Elista: Dzhangar, 1998. 238 p. (In Russ.)

Guchinova E. -B. Kalmyk Road: History, Culture of Identity in Kalmyk Community of the USA. St. Petersburg: Aleteya, 2004. 340 p. (In Russ.)

Ivanko N. I., Naberukhin A. I., Orekhov I. I. Great October and the Civil War in Kalmykia. Elista: Kalmyk Book Publ., 1968. 148 p. (In Russ.)

Feather Grass Waves. 1931. No. 1. (In Russ.)

Feather Grass Waves. 1932. No. 5. (In Russ.)

History of Kalmyk Literature. In 2 vol. Vol. 2: Soviet Period. L. I. Zalesskaya, R. A. Dzhambinova. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 446 p. (In Russ.)

Khara-Davan E. Genghis Khan as a Military Leader and his Legacy. Elista: Kalmyk Book Publ., 1991. 222 p. (In Russ.)

Matsakova N. P. Kalmyk Public Thought in Exile. In: Achievements and Problems of Modern Science: Collected Publication of Scientific Journal "Globus". 29 October 2015. Part I. St. Petersburg: Globus, 2015. Pp. 61–68. (In Russ.)

Naberukhin A. I. Kalmykia in Three Russian Revolutions. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)

Niminov Sh. Brief Review of the Kalmyk Press in Emigration. *Feather Grass Waves*. No. 4. 1932. Pp. 14–20. (In Russ.)

Ochirov U. B. Kalmykia during the Civil War (1917–1920). Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)

Plyunov F. I. Kalmyk People and the October Revolution. 1919–1924. I. V. Lidzhieva, M. I. Kicheeva (comp.). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2016. 432 p. (In Russ.)

Shkarenkov L. K. Agony of White Emigration. Moscow: Mysl, 1981. 231 p. (In Russ.)

Topalova D. Yu. National Originality of Short Stories by S. B. Balykov "The Crumpled Tulip", "At the Invisible Wall". *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2015. No. 4. Pp. 161–166. (In Russ.)

Topalova D. Yu. S. Balykov's Short Story "The Crumpled Tulip" in the Light of National Traditions. In: Mongolian Studies in Early XXI Century: the Current State and Prospects of Development. Conf. proc., dedicated to the 100th anniversary of B. Kh. Todaeva. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2015. Pp. 98–101. (In Russ.)

Topalova D. Yu. Problems of Preservation of National Traditions and Ethnic Representations in the Short Story by S. Balykov "Stronger than Power". *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2016. No. 1. Pp. 262–270. (In Russ.)

Topalova D. Yu. Folklore Traditions in the Work of S. Balykov (on the Example of the Legend "Stingy khan"). *Bulletin of Dagestan State Pedagogical University*. Ser. Social and Human Sciences. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 123–129. (In Russ.)

Topalova D. Yu. Events of the Civil War in the Works by S. Balykov (on the Example of the Short Story "Fathers"). *Bulletin of Tuvan State University*. Ser. Pedagogical Sciences. 2016. No. 4. Pp. 155–163. (In Russ.)